
ДИССЕРТАЦИОННЫЕ И МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

Ю.В. Голик

доктор юридических наук, профессор,

А.И. Коробеев

доктор юридических наук, профессор,

В.В. Кулыгин

доктор юридических наук, профессор

И НЕВОЗМОЖНОЕ ВОЗМОЖНО*

Y. V. Golik

Doctor of Law, Professor,

A. I. Korobeev

Doctor of law, Professor,

V. V. Kulygin

Doctor of Law, Professor

THE IMPOSSIBLE IS POSSIBLE

Блоковские слова, вынесенные в заголовок настоящих заметок, приходят на ум, когда дочитываешь до конца трехтомное собрание сочинений одного из своеобразнейших, ни на кого не похожих современных российских ученых-криминалистов - Александра Ивановича Бойко.

В самом деле: мыслимо ли в одиночку (одним умом) охватить столь широкий диапазон острейших и актуальнейших проблем доктрины уголовного права (от надотраслевых пролегомен, философских основ системно-структурной проблематики, через познание духовных основ уголовного права, его криминологической обусловленности и межотраслевых связей, до анализа системной среды уголовного права, его структуры и идентификации в национальной юриспруденции), возможно ли осуществить такой сверхмасштабный проект усилиями одного исследователя? Оказывается, и мыслимо, и возможно, если за работу берется ученый-энциклопедист, начисто лишенный комплекса творческой неполноценности, ставящий перед собой гиперзадачи и последовательно решаю-

щий их. Именно с таким феноменом мы и сталкиваемся в нашем случае применительно к автору рецензируемой монографии.

Общеизвестен афоризм о том, что книги, как и люди, имеют свою судьбу. И в этом смысле у большей части книг (научные здесь не исключение) судьба - пылиться на книжных полках. Впрочем, знаем мы и другие случаи, когда обычная книга вдруг становится Книгой, проживая долгую и счастливую в своих многочисленных читателях жизнь. Несомненно и то, что у каждой такой Книги должен быть не просто автор, но Автор. Сказанное в полной мере относится и к монографии «Система и структура уголовного права», вышедшей из под пера А.И. Бойко в трехтомном издании и уже ставшей, ввиду ограниченности тиража, библиографической редкостью. Книга эта в полной мере отразила и воплотила личность самого А.И. Бойко в смысле широты эрудиции, яркости метафор и богатства стилистических приемов в соединении с высокой нравственной позицией и бескомпромиссностью в отстаивании своего видения целей и задач уголовного права.

* Заметки на полях монографии: Бойко А.И. Система и структура уголовного права: В 3 т. Том I: Системология и структурализм в современной познавательной культуре. - Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2007. - 448 с.; Том II: Системная среда уголовного права. - Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2007. - 640 с.; Том III: Структура уголовного права и его идентификация в национальной юриспруденции. - Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2008. - 508 с.

Спектр затронутых и детально разработанных в трехтомнике А.И. Бойко проблем настолько широк, что критически проанализировать все эти проблемы в небольшой по объему рецензии не представляется возможным, что называется, «по определению». Остановимся лишь на трех моментах, которые в силу разных причин в большей степени «запали в душу» каждого из рецензентов.

Одной из краеугольных идей, рефреном проходящей через все три тома, является для нас бесспорная, а автором всесторонне аргументированная мысль о том, что уголовное право для того, чтобы быть эффективным средством противодействия преступности, должно обладать таким наиважнейшим качеством, как системность. Эта качественная характеристика уголовного права особенно востребована «в реформистские эпохи, когда обновляется вся правовая система общества, когда традиционализм прошлого оказывается посрамленным, а прикладная (обеспечительная) роль его запретов для существования новых, но все-таки общих устоев понимается далеко не всеми» (Т. I, с. 24).

Истинность приведенных выше теоретических положений не должна вызывать у трезвого читателя ни малейших сомнений. Однако в реальной жизни (особенно в сфере законотворчества) мы сталкиваемся с совершенно иной ситуацией. Так, к настоящему моменту в Уголовный кодекс России в том или ином виде внесено уже около 1000 изменений. Это означает, что в некоторые статьи УК изменения вносились неоднократно, а в отдельные - по пять-шесть раз. Из первоначально цельного и системного акта он превратился в некое подобие лоскутного одеяла, наполнился внутренними противоречиями, стал криминализационно избыточен. В последние же два года (2011-2012 гг.) процесс десистематизации уголовного права приобрел необратимый характер и привел разбалансированный УК на грань недееспособности.

Для иллюстрации сказанного достаточно привести в качестве примеров метаморфозу с конфискацией имущества, которую в 2003 г. исключили из УК РФ как вид наказания, а затем вернули в лоно уголовного права, но уже как иную меру уголовно-правового характера (фактически неприменяемую в судебной практике); снятие в 2011 г. нижних порогов санкций в 68 составах преступлений, что привело к беспрецедентно беспредельному и ничем не оправданному расширению сферы судебного усмотрения (за преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 111 УК РФ, суд может назначить

наказание от двух месяцев до 15 лет лишения свободы); попытку введения в УК по сути членовредительской меры наказания (химической кастрации); «изгнании» в 2011 г. из УК клеветы как преступного деяния при одном президенте и «реинкарнацию» этого преступления через шесть месяцев - при другом президенте России.

Но вернемся к монографии А.И. Бойко. Уже в самом начале немалого по объему труда автор выдвигает ставший своего рода связующим между томами звеном тезис о том, что «главный импульс развития и совершенствования уголовного права заложен не в нем самом, а в окружающей его среде», замечая, впрочем, что сейчас эта идея не выглядит необычной, поскольку в профессиональном юридическом правосознании существует понимание в различии между правообразованием и правотворчеством. Но здесь же, как и далее по тексту и не один раз, А.И. Бойко, более чем с сожалением, констатирует, что как раз в сфере нормотворчества государство зачастую попросту игнорирует уголовно-правовую доктрину. Самые последние законодательные эксперименты над Уголовным кодексом, будь то конструирование двойной умышленной вины в составах терроризма, захвата заложника и диверсии или же элементарная ошибка в санкции ч. 2 ст. 201 УК РФ, позволяют лишний раз убедиться в том, что «Васька» по-прежнему «слушает, да ест».

Как и во многих предыдущих своих работах, в монографии автор последовательно отстаивает концепцию восстановительного правосудия и убедительно демонстрирует, что современная уголовно-правовая политика, вопреки посылу, заложенному в 52-й статье Конституции России, по-прежнему не желает повернуться лицом к «золушке правосудия» - жертве преступления. Трудно не согласиться с автором в том, что освобождение по акту амнистии от уголовной ответственности индивидуально неопределенного круга лиц по соображениям, далеко стоящим от индивидуального события, и без привязки к традиционным для уголовного права и правосознания населения основаниям объективно является несправедливым для потерпевших и затрудняет для них доступ к правосудию и возможность компенсации причиненного ущерба.

Есть в уголовном праве проблемы, подобные полям вечных сражений. Тысячи научных копий уже было сломано и продолжает переламываться в дискуссии по поводу презумпции знания закона. Не мог, разумеется, не побывать на этом ристалище и А.И. Бойко. Анализируя аргументы «pro» и «contra», он замечает, что

аксиоматичное требование «хоть и не знаешь запрет, но отвечать будешь» ныне слишком одиозно. В стремящемся к справедливости законе должны быть различные режимы преследования для знающих и не знающих уголовно-правовую основу своего поведения лиц, поскольку касается это самым непосредственным образом судеб миллионов людей. Все верно. Жаль лишь, что автор не задержался на этом поле несколько дольше, поскольку с очевидностью можно предположить, что на законодательном уровне искомая проблема в ближайшее время разрешена не будет. Говоря словами А.И. Бойко, сказанными ниже и по другому поводу, может, и не стоит нашему законодателю с его-то вооруженностью юридической техникой открывать еще один ящик Пандоры?

Возможно, именно по этой причине автор видит в международном уголовном праве некий образец, «слепок идеальных правовых стандартов, обладающих приматом и приоритетом над национальным уголовным правом». При этом, не будучи идеалистом, А.И. Бойко прекрасно понимает, что в настоящее время существует безусловное «операционное превосходство национального права над международным», и со свойственной ему научной обстоятельностью анализирует проблемы и трудности реализации международного уголовного права на территории России. Согласие ученого с тезисом о том, что «удел национального права есть конкретизация международных требований» с последующим признанием им возможности юридической несостоятельности Конституции, в случае наличия в ней положений, противоречащих Уставу ООН, вызывает, минимум, легкое недоумение. Впрочем, в дальнейшем все оказывается не так грустно, поскольку автором резюмируется, что примат международного уголовного права - международные преступления, а приоритет «культивируется в самой обширной и меняющейся сфере борьбы с преступностью», к которой относятся преступления международного характера. И, конечно, нельзя не согласиться с выводом о том, что «именно область относительного превосходства международного права над внутригосударственным нуждается в добротной научной обработке и помощи». Вот только как относится наш отечественный законодатель к научной помощи, увы, хорошо известно.

Вряд ли имеет смысл задаваться вопросом о концептуальных основах и государственной стратегии в области уголовной политики нашего государства в последние несколько лет и

уж тем более на перспективу. Сам А.И. Бойко видит такую стратегию в идее восстановительного правосудия, считая необходимым: «а) безусловное и экстренное удовлетворение всех нарушенных преступлением прав и интересов потерпевших, а также б) резкое повышение ответственности государства и его служащих за ошибки и результаты в сфере борьбы с преступностью». Самое парадоксальное, на наш взгляд, заключается в том, что, с одной стороны, мы вряд ли найдем открытых противников виктимологического вектора развития уголовной политики. Но, с другой стороны, положа руку на сердце, давайте столь же открыто признаем, что заявленная автором концепция в обозримом будущем так и останется светлым и недостижимым идеалом. Уж если в относительно благополучные времена, когда бюджет страны раздувался от «нефтедолларов», государство, как отмечает сам автор, ничего не сделало для выполнения своей прямой обязанности - защиты законопослушных граждан, то тем более не следует этого ожидать в нынешней ситуации «лопающихся пузырей» национальных проектов.

Разумеется, как истинный новатор, в поисках недогматических подходов к системной среде уголовного права А.И. Бойко не мог не обратиться к нравственно-религиозным основам уголовно-правовых запретов и предписаний. Не случайно, видимо, в числе рецензентов монографии значится один из иереев Русской православной церкви. Лейтмотивом главы выглядит тезис о том, что «нынешний уголовный закон в состоянии исполнить общественные надежды лишь в том случае, если в его регламентах полно и без фальши отражены общечеловеческие представления о добре и зле, допустимом и необходимом, справедливости преследования и наказания». Безусловно, это так, и относится не только к нынешнему и не только к нашему уголовному закону. Немногим далее этот тезис трансформируется в утверждение о том, что «для отечественной гуманитарной мысли стало традицией искать соприкосновение христианства, этики и уголовного права через объединяющую их категорию справедливости». И с этим тоже трудно не согласиться, тем более, что российский Уголовный кодекс, единственный из всех законов, о справедливости вспоминает трижды: в ст.ст. 6, 43 и 60 (Бог любит троицу?). А чуть ниже внимательный читатель наконец-то подбирается к самой сути проблемы «что есть такое религия и нравственность и какова польза от них для уголовного права, для прак-

тики борьбы с преступностью, для самозащиты общества от нарушений его устоев».

Оставим читателю его право путешествовать сквозь запутанный мир библейских притч, религиозных догматов и авторских поисков соотношения религии и морали, густо усеянных изречениями отцов церкви. Продравшийся сквозь лес может обнаружить несколько наивный в наш прагматичный век вывод: «Постоянное нравственное просвечивание любых законодательных инициатив - вот что нужно стране». А что делать, когда нравственность в явном дефиците? Ответ на этот вопрос мы получили совсем недавно в виде лингвоюридической экспертизы нормативных актов на коррупциогенность. Интересно было бы почитать такого рода заключение по поводу, например, регламентации условного осуждения в ст. 73 УК РФ.

Кстати, именно языку уголовного закона посвящена последняя глава второго тома монографии А.И. Бойко. Хотя называется она «Язык народа и уголовного закона», но содержание ее, по количеству параграфов и их объему, приоритетно уголовно-правовое. С присущей ему основательностью автор исследует свойства, особенности и качества законодательного языка вообще, ссылаясь на отечественных и зарубежных «классиков жанра», и, может быть, именно в этой части работы А.И. Бойко наиболее по-научному скучен и серьезен, разумеется, никак не в ущерб содержанию. И вывод-то достаточно очевиден. Закон должен быть ясен, прост, доступен; дефиниции не должны допускать двусмысленного толкования, не поддающиеся формализации оценочные категории следует воспринимать как «лучшее из зол» и т.д. Впрочем, автор прекрасно понимает, что «ученые спорят и творят, пишут и говорят, а парламент принимает законы, не особенно оглядываясь на доктринальные предположения и критику в свой адрес. Его продукция с точки зрения лингвистического качества все чаще оказывается значительно ниже тех кондиций, которые выставляет наука». А потому и примеров подобных законодательных огрехов в действующем УК обнаруживается достаточно много.

Каждому понятно, что спор и дискуссия возможны только там, где предмет спора имеется. Сам А.И. Бойко полемист отчаянный и в трудах своих щедро рассыпает пригоршни вопросов, на которые сам же и пытается ответить, не считая, впрочем, что владеет монопольным правом на истину в последней инстанции. Поэтому спорить, безусловно, есть о чем, хотя бы и ради ожидания очередной реплики автора. Ну

вот, например, тезис о том, что место и роль уголовного права в правовой системе страны остаются неизменными - «на задах юридического регулирования». Разве? И дело совсем не в обиде за «любимую игрушку власти», хорошо, кстати, знающей как можно использовать мощнейший ресурс уголовно-правовой репрессии. Есть аргументы более весомые. Кто всерьез будет спорить после Э. Дюркгейма, что уголовное право есть право древнейшее, а раз так, то оно запечатлено в правовых архетипах тысяч поколений, и не случайно два из трех рецензентов говорят о том, что в обыденном правосознании право вообще связывается, прежде всего, с уголовным правом. Уголовное право выполняет охранительную функцию? Безусловно, но разве не прав А.В. Наумов, считающий, что уголовное право, охраняя, регулирует? И ведь охраняет оно ценности наивысшего порядка там, где другие отрасли права молчат. Разве неправы были испанские законодатели, назвавшие Уголовный кодекс негативной конституцией в преамбуле к нему?

С особым, по некоторым причинам, интересом читается параграф об этнокультурных основах борьбы с преступностью. Только в этот параграф А.И. Бойко включил почему-то и проблему обратной силы уголовного закона, и судимость, и неоднократность. Если в широком плане считать право плоть от плоти соответствующего культурного континуума, то, конечно, можно. Но тогда любой труд по уголовному или любому другому «живому» праву будет по определению и сути этнокультурным. И тогда в этот контекст прекрасно уложится следующий, совершенно неожиданный пассаж: «уголовно-правовая доктрина пока не оприходовала память, внимание и запоминание для своих нужд - ни на отраслевом, ни на криминологическом и уголовно-политическом уровнях...».

Многоточие в предыдущей цитате поставлено совсем не зря, поскольку есть в монографии одно место, вызывающее удивление именно своим очевидным контрастом со всем предыдущим концептуальным строем книги. На с. 587 тома III автор вдруг заявляет о некорректности и политизированности (!) отвержения объективного вменения в ч. 2 ст. 5 УК РФ, подчеркивая первостепенность внешних данных о преступлении в сравнении «с так называемым субъективным вменением». В качестве аргумента приводится высказывание Н.С. Таганцева, относящееся к другой, как нетрудно заметить, проблеме. Ну не может А.И. Бойко не знать о том, что Н.С. Таганцев был последовательным сторонником ответственности за

вину! Неужели автор, в самом деле, полагает, что два субъекта, каждый из которых убил, к примеру, беременную женщину при условии, что один был осведомлен об этом, а другой нет, заслуживают при прочих равных обстоятельствах одинакового наказания? И к чему тогда все разговоры о знании или незнании закона и необходимость учета для нужд уголовного права психологических констант, о которых говорилось в предыдущем абзаце?

Весьма важным для теории и практики законодательства является §4 главы I «Доктрина - о структуре уголовного закона» (Т. III, с. 49-68). Мы как-то совершенно забыли о доктрине как основе нормального развития теории. Между тем игнорирование доктрины всегда приводит к нелепостям и неприятностям. Например, на наших глазах происходит попытка казуистировать Уголовный кодекс по примеру судебныхников средневековья. Речь идёт о попытке расщепления состава мошенничества на ряд частных преступных актов. В этот же ряд входит и «изгнание» из УК статьи об ответственности за оскорбление, но сохранение целого ряда частных составов. Логичнее было поступить с «точностью до наоборот», но законодатель в наши дни «глух к теории как никогда». А.И. Бойко напоминает тезис изрядно забытого ныне теоретика А.А. Ушакова о сведении на нет юридической казуистики, господствовавшей не так давно на всех просторах законодательной системы. Поторопились с оценками. Глупость имеет обыкновение возвращаться.

Уже после выхода в свет этого исследования появилась Концепция уголовно-правовой политики (на уровне проекта, но появилась). В этой концепции нашли отражение многие идеи автора, что свидетельствует о том, что он на верном пути. И это внушает оптимизм.

Нельзя обойти вниманием попытки автора использовать герменевтику для познания уголовного права. Речь идёт о §4 глав III «Герменевтика и её пределы в современном уголовном праве», Т. III. Не очень удачное название. Герменевтика как инструмент познания не может иметь пределы. Точнее, они есть, но определяются пределами интеллектуальных возможностей исследователя, который в данном случае выступает в роли интерпретатора. Герменевтика в наши дни позволяет заглянуть в глубину смысла, заложенного в законе. Иногда об этом смысле не догадываются даже сами законописцы. Не потому, что они глупы, а потому, что он от них скрыт какими-то внешними, наносными, отвлекающими мотивами. Немного отвлекаясь, заметим, что

в наши дни это особенно заметно в проведении всевозможных социологических опросов.

Если респонденту задавать самый простой вопрос «в лоб», то мы в большинстве случаев получим ожидаемый в данной референтной среде и ситуации ответ. Если же к формулированию вопросов подключаются психологи, то тормозящие факторы в личности уходят на задний план (человек просто не чувствует опасности быть подставленным), и ответ выводит на искомый, но не запрограммированный результат. Иногда очень неожиданный. Так и здесь. При исследовании с использованием герменевтики текста уголовного закона мы совершенно неожиданно можем получить результат, которого никто не ожидал. И этот результат может быть очень неудобен для многих, а то и для всех. Попробуйте проанализировать февральские (2012 г.) изменения, внесённые в Уголовный кодекс под флагом борьбы с педофилией (особенно ст. 134), и сразу увидите, что изначальный посыл прямо расходится с полученным результатом. Во многих случаях педофилов просто вывели из-под угрозы уголовного преследования. Если через призму герменевтики пропустить все законодательные новеллы последних лет, «измахратившие» Уголовный кодекс до неузнаваемости и до неприличия, то результат будет просто ошеломляющим. Какие уж тут пределы!

В этой связи остаётся только пожелать будущим исследователям более пристально всматриваться в тексты закона, стараясь извлечь не только истинный их смысл, но и получить определённые «инструкции», как не надо писать законы. Необходимо помнить, что любой закон всегда ловушка. Ловушка для тех, кто его сочинял, для тех, кто его применяет, и, разумеется, для тех, кто под него попал. И всё это далеко не всегда осознаётся при принятии закона и даже позже, когда закон начинает действовать. Вспомним так называемые «итальянские» забастовки, когда рабочие начинают строго и точно выполнять все предписания закона. Нечто похожее у нас происходило в уголовном процессе, пока в УПК присутствовали бланки образцов процессуальных документов. Любой адвокат при желании мог найти пропущенную запятую или что-то подобное.

Некоторые тезисы автора излишне категоричны. Например, на с. 229 тома третьего мы читаем: «Вариант парламентского арбитража как реальность есть нонсенс». Очевидно, что автор находится в плену аристотелевской концепции разделения властей, которая в Европе стала широко постулироваться благодаря Монтескье. То,

что было хорошо в глубокой древности, вряд ли будет всегда так же хорошо и в наши дни. Тем более, что далеко не все в мире разделяют наши восторги по этому поводу. Напомним, что мы даже в Конституции сумели записать этот тезис, не страшнувшись с него нафталин (ст. 10). Какое всё это имеет отношение к уголовному праву? Да самое непосредственное. При чтении лекций по половым преступлениям каждый из нас вынужденно сталкивается с вопросом: «Может ли муж изнасиловать жену?». Ещё в нашу бытность студентами мы использовали прецедент общего права, сформулированный лондонским судьёй Мэтью Хейлом в 1736 году: «Муж не может быть виновен в насилии, совершённом им над его законной женой, ибо по их согласию и брачному договору жена отдана своему мужу и не может ни в чём отказывать ему». Одним словом: «Жёны, повинуйтесь своим мужьям», - как учил Апостол Павел. Однако 14 марта 1991 г. в том же самом Лондоне Апелляционный суд отказался от этого прецедента в решении по делу «R. против R.». Было отмечено, что прецедент 1736 года отражал общее право той эпохи (это естественно), а обстоятельства за прошедшие столетия существенно изменились (с этим тоже не поспоришь). Поэтому лорд Лейн пришёл к выводу, что иммунитета супруга в случае изнасилования больше не существует. Позже этот вывод был подтверждён судебными решениями в Австралии, в некоторых штатах США и наверняка где-то ещё. Это решение было об-

жаловано в высшую судебную инстанцию Великобритании, каковой является Палата лордов - верхняя палата английского парламента. 23 октября 1991 г. без всяких проволочек это решение было Палатой лордов поддержано. Говоря нашим сленгом, «засилено». Вот вам и разделение властей. Вот вам и библейские истины. «Новые песни придумала жизнь».

Ну и, совсем напоследок, хотелось бы «подарить» автору, как бережно относящемуся к русскому языку, его собственную цитату со с. 618 второго тома. «Возможности современного русского языка для регуляции преступного поведения велики, но не беспредельны», - пишет А.И. Бойко. Понятно, конечно, что хотел сказать автор, призывая сохранять культурную самобытность и лелеять родной язык. Вот только беда в том, что он (русский язык) - родной, великий и могучий - сам по себе осуществлять регуляцию преступного поведения не может. Через формирование смыслового поля культуры, правовой в том числе, считая юридическую технику частью последней, через суггестивное влияние уголовно-правового запрета, воспринимаемого как слово, - может. А сам по себе - нет.

Впрочем, мы условились не претендовать на истину в последней инстанции. Все сказанное нами в рецензии - всего лишь дружеские заметки на полях интереснейшей монографии, которую мы настоятельно рекомендуем прочитать всем, кто любит и знает уголовное право.

Сведения об авторах

Голик Юрий Владимирович - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец; e-mail: crimkaf@mail.ru

Коробеев Александр Иванович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, Владивосток; e-mail: akorobeev@rambler.ru

Кулыгин Владимир Владимирович - доктор юридических наук, профессор, член Российской криминологической ассоциации и Российской академии юридических наук, Директор Дальневосточного филиала государственного образовательного учреждения ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», советник Научно-консультативного совета при Прокуроре Хабаровского края, Хабаровск, e-mail: dvjust@mail.ru; www.dfrpa-mu.ru

About the authors

Golik Yuri Vladimirovich - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department Criminal Law and Criminology Elets State University of the Bunin, Elec; e-mail: crimkaf@mail.ru

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of law, professor, the honoured worker of science of the Russian Federation, the head of the department of criminal law and criminology, Far Eastern Federal University, School of Law, Vladivostok; e-mail: akorobeev@rambler.ru

Kulygin Vladimir Vladimirovich - Doctor of Law, Professor, Russian Criminological Association and the Academy of Law, Director of the Far East (Khabarovsk) branch of State Institution of Higher Professional Education «Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation» Advisor of the Scientific Advisory Council of the Prosecutor of the Khabarovsk Territory. Khabarovsk, e-mail: dvjust@mail.ru www.dfrpa-mu.ru